

М. Перри

**КАЗАКИ И ГОСУДАРСТВО В РОССИИ И НА УКРАИНЕ В XVII в.:
НАРОД И ВЛАСТЬ НА ЮЖНОМ ПОРУБЕЖЬЕ**

Казачьи российские и украинские степи представляли собой самобытные общины, жившие по берегам рек на южных окраинах Московского государства: на Днепре и Дону (бассейн Черного моря); на Волге, Тереке и Яике (бассейн Каспийского моря). К XVII в. благосостояние русских казаков уже в значительной степени зависело от денежного жалования и прочего довольствия, поступавшего от Московского государства в оплату за их военную службу по его защите от потенциально враждебных соседей: Персии, Османской империи и подчиненного ей Крымского ханства, а также Речи Посполитой. При этом казаки не были подданными русского царя: московские власти общались с Донским казачьим войском через свое ведомство иностранных дел — *Посольский приказ*, — и войсковые казаки не приносили присяги на верность царю. Все русские казаки сохраняли значительную степень автономии: они самостоятельно нападали на Персию, Крым и Турцию, а также часто совершали пиратские атаки на торговые суда на Черном и Каспийском морях и на Волге. Между тем на протяжении XVII в. царское правительство все более ограничивало свободу казаков в отношении военных набегов в тех случаях, когда это не отвечало внешнеполитическим целям Московского государства. Русские власти имели рычаги влияния на казаков и пользовались ими в случае неповиновения последних, угрожая прекратить выплачивать им жалование или уменьшить его.

Эта политика привела к серии конфликтов между московским правительством и казаками. Некоторые из таких конфликтов переросли в крупные восстания, распространившиеся и на другие слои населения: на горожан, крестьян, на представителей нерусских народностей, проживавших в Волжском бассейне. Тем не менее, казаки обладали большей властью по отношению к российскому государству, чем большинство других сословных групп насе-

ления. Представляя собой сообщество вооруженных людей, имеющих опыт боевых действий в степях, они могли стать лидирующей военной силой для гражданского населения и вовлечь его в свои восстания. Кроме того, их местонахождение на границах Московского государства, которые на то время оставались еще довольно неопределенными, давало казакам определенную степень тактической мобильности и возможность выбора различных вариантов реакции на политику государства. Так, благодаря удаленности от центра они могли продолжать свои набеги относительно безнаказанно, а их близость к другим державам региона предоставляла им возможность перейти в подданство к Персии или Турции и начать служить шаху или султану, а не царю, или же переселиться и жить под юрисдикцией других правителей.

В настоящей статье мы рассмотрим различные способы реакции русских казаков на растущее давление со стороны Московского государства в течение XVII в., а также сравним эти способы с реакциями запорожских казаков на действия властей Речи Посполитой.

* * *

Одним из ранних примеров выбора недовольными казаками различных вариантов действий может служить эпизод из истории Смутного времени. Зимой 1605/06 г. отряд казаков, помогавший возвести первого Лжедмитрия на престол, собрался на реке Терек. Вначале они решали, идти ли вниз по Куре на Каспий, чтобы грабить турецкие суда, или пойти служить персидскому шаху: «...и стали де козаки думать всем войском, чтоб итти на Курь реку, на море, громить турецких людей на судех; а будет де и там добычи не будет, и им де было козаком к Кизылбашскому Шах-Аббасу служить».¹ Главная обида казаков заключалась в том, что они не получили награды за свою службу царю Дмитрию, причем они винили в этом бояр, а не самого царя: «И стало де на Терке меж козаков такие слова: Государь де нас хотел пожаловати, да лихи де боя-

Перри Морин — профессор русской истории Центра русских и восточноевропейских исследований Европейского исследовательского института университета Бирмингема (г. Бирмингем, Великобритания)
E-mail: m.p.perrie@bham.ac.uk

¹ Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 225. Далее — ВИБ.

ре, переводят де жалованье бояря, да не дадут жалованья...».² Затем отряд из 300 казаков придумал отчаянный план: они объявят, что один из них, молодой казак Илейка Муромец, будто бы на самом деле был «царевичем Петром», сыном царя Федора Ивановича, и они пойдут с ним грабить торговые суда на Волге, а потом ко двору царя Дмитрия в Москве, — очевидно, требовать своего жалованья.³ Казаки прошли Терек до Каспийского моря и оттуда поднялись на лодках вверх по Волге, совершая по дороге пиратские набеги. Однако, достигнув Свияжска, они узнали, что царь Дмитрий убит. После этого «царевич Петр» и казаки вернулись вниз по Волге, перебрались на другой берег и отправились в Путивль, где присоединились к восстанию Болотникова против нового царя, Василия Шуйского.

Таким образом, перед нами типичный русский «бунт во имя царя» (с участием самозванца; направлен против «злых бояр»); однако специфически «казачий» оттенок происшедшему придавало то, что бояре обвинялись в невыплате жалованья терской вольнице. Как мы увидим ниже, вопрос о невыплате или недоплате жалованья, вина за которую возлагалась на бояр, а не на царя, вновь возникает в более поздних казачьих восстаниях, так же как и появление в рядах казаков самозванца, роль которого состояла скорее в том, чтобы заступиться перед своим «родичем-царем» за казаков («самозванец во имя царя»), чем в оспаривании его законности.⁴

* * *

Следующий «бунт во имя царя» среди казаков южных степей произошел в 1667–1671 гг. На ранних этапах восстания Стеньки Разина его отряд из донских казаков направлялся к Волге, а оттуда — к Каспийскому морю для пиратских набегов. Подобно терцам в 1605–1606 гг., донские казаки Разина были в первую очередь недовольны размером жалованья, получаемого из Москвы. Они сетовали,

что его едва хватало на скудную жизнь, и потому они вынуждены были идти грабить, чтобы «прокормиться». Разин говорил царицынскому воеводе в 1667 г., что «...в войске де им пить и есть стало нечево, а государева денежного и хлебного жалованья присылают им скудно, и они де пошли на Волгу реку покормитца».⁵ Кроме того, после заключения Андрусовского мирного договора 1667 г. царское правительство запретило казакам грабительские походы на Азовском и Черном морях. В 1668 г. многие русские и украинские казаки («хохлачи», как последние названы в источнике) утверждали, что они вынуждены были идти на Волгу за добычей не только из-за скудного жалованья, но также и потому, что выход к морю для них был закрыт: «на Дону де жить им не у чего: великого де государя жалованья в дуване досталось по кусу на человека ... и тем де прокормитца нечем. А потому еще: на море путь заперт, и зипуна достать стало негде».⁶

На Каспии казачьи набеги шли на север от устья Волги до Яицкого городка в устье реки Яик, а затем на юг, в персидские воды. Там Разин попробовал разузнать, существует ли для его казаков другая возможность: он отправил посольство к Исфahanу, чтобы испросить позволения шаха для казаков поселиться на его землях и поступить к нему на службу. По некоторым свидетельствам, Разин сказал персам, что казаки «хотят быть у шаха в вечном холопстве»; по другим источникам, он отправил послов просить, «чтоб шахово величество велел ему жить в своем государстве по реке Куре, а он учнет его шахову величеству служить».⁷ Однако по просьбе русского царя шах отказался их принять.⁸

Весной 1670 г., после возвращения Разина и его последователей на Дон, они опять обсудили несколько вариантов действий, включая возможность нового пиратского похода за добычей. Тамбовский воевода докладывал в Москву в мае 1670 г., что, хотя он не знал ранее, каковы были планы Разина («...на Волгу ли

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 225, 226. Такой исторической личности, как царевич Петр, не существовало: у царя Федора была лишь одна дочь, царевна Феодосия, которая умерла в младенчестве.

⁴ О данной терминологии см.: Field D. *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston, 1976. (Использование выражения «бунтовщики во имя царя» в русском переводе см.: Покровский Н. Н. *Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры*. Новосибирск, 1989. С. 151); Perrie M. *Pretenders in the Name of the Tsar: Cossack «Tsareviches» in Seventeenth-Century Russia // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 2000. Bd. 56. P. 243–256.

⁵ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 1. М., 1954. № 47. С. 81. Далее — КВSR.

⁶ Там же. № 68. С. 102. Ср. также: Там же. № 106. С. 146: «На Дону де им учала быть скудость большая, на Черное море проходить им немочно, учинены от турских людей крепости»

⁷ Там же. Т. 1. № 106. С. 142; № 183. С. 250.

⁸ См.: Степанов И. В. *Крестьянская война в России в 1670–1671 гг.* Т. 1. Л., 1966. С. 351. О просьбе Разина к шаху о выделении им земли в обмен на военную службу см. также: Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования. Л., 1975. С. 157, 158, 166, 167 (Э. Кемпфер); 176 (Ж. Шарден).

он пойдет, или на калмык, или вверх Доном в Русь...»)⁹ он получил новую информацию от казака Костьки Косого о том, что большинство казаков склоняется в пользу возвращения на Волгу: «...у Стеньки Разина в Черкасском круг был, и ясоулы де докладывали в кругу, что под Озов ли итить, и козаки де в кругу про то все умолчали. А в другой де докладывали — на Русь ли им на бояр иттить, и они де “любо” молвили небольшие люди. А в третьей де докладывали, что иттить на Волгу, и они де про Волгу завопили...».¹⁰

На следующем собрании (круге) в Паншине в мае 1670 г. Разин снова заговорил о возможности служить другому правителю («...на море ли по Волге или к иному царю служить?»), но этот вариант был отвергнут его товарищами в пользу похода по Волге («...иному царю служити не хотят, а пойдем де мы все на Волгу на бояр и воевод»)¹¹. Разин также спрашивал казаков, хотят ли они идти в сердце Московии (Руси), чтобы известить «изменников» в центральном правительстве и в городах: «...Любо ль де им всем итти з Дону на Волгу, а с Волги итти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывесть изменников бояр и думных людей и в городех воевод и приказных людей?».¹² Они решили остановиться на Волге: это открывало перспективу получения пиратской добычи и совершения набегов на волжские города, оставляя возможность подняться вверх по реке к Москве для нападения на бояр в столице.¹³

Весной 1670 г. риторика повстанцев была по большей части направлена против «изменников-бояр» в рамках классической схемы «бунта во имя царя» (в духе городских восстаний 1648–1650 и 1662 гг.). При этом в рассуждениях Разина можно выделить и специфические аспекты, отражавшие типичные проблемы казачества. Так, в Паншине он утверждал, что князь И. А. Воротынский и князь Г. С. Черкасский были добры к казакам и принимали их у себя, когда они были в Москве,¹⁴ но что другие бояре были «не добры» к ним, а потому повинны, что царское жалованье до казаков не

доходит: «...от них к ним на Дон государева жалованья не присылаетца».¹⁵ Казаки также винили бояр в установлении запрета на военные набеги на Черном море и на Волге, в результате чего они обеднели: «Мы де готовы за дом пресвятыя богородицы и за великого государя умереть и головы свои положить и служить, а что де бояря не велят нам ходить на море и на Волгу, и от того мы стали наги и голодни».¹⁶

В своей речи, обращенной к казакам, произнесенной в мае 1670 г. в Паншине, Разин ссылался на недавние смерти царевича Алексея Алексеевича, его младшего брата царевича Симеона и их матери, царицы Марии Ильиничны Милославской, как на доказательства измены бояр.¹⁷ Смерть старшего сына царя, царевича Алексея, в январе 1670 г. в возрасте 16 лет была вызвана естественными причинами. Однако к концу лета 1670 г., по мере того как бунтовщики поднимались вверх по Волге, Разин начал распространять новость о том, что с ними идут царевич Алексей Алексеевич и недавно низложенный патриарх Никон.¹⁸ «Царевич» Алексей якобы шел с Разиным, чтобы освободить царя Алексея Михайловича от влияния «бояр-изменников». В грамоте, датированной 26 октября 1670 г., царь жаловался, что бунтовщики распространяют *воровские прелестные письма*, в которых говорится, «будто сын наш государев, благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич... ныне жив и будто по нашему государеву указу идет с низу Волгою к Казани и под Москву для того, чтоб побити на Москве и в городех бояр наших... и всякого чину служилых и торговых людей, будто за измену».¹⁹ Иностранные наблюдатели сообщали, что царевич будто бы бежал к Разину за защитой от бояр-изменников, которые пытались его убить. По словам автора анонимного английского свидетельства, «Стенька пустил слух, будто царевич, бежав от злодейских рук бояр и князей, укрылся у него».²⁰ Немецкий автор Мартиус (Марций в русской транскрипции XVII в.) свидетельствовал о том, что «...пошел слух, что бояре, нена-

¹⁵ Там же. С. 235, 236.

¹⁶ Там же. № 184. С. 253.

¹⁷ Там же. № 171. С. 235. См. также: КВСР. Т. 2, ч. 2. М., 1959. № 60. С. 74; Иностранные известия... С. 67 (И. Ю. Марций).

¹⁸ Не ясно, был ли на самом деле такой самозванец во флоте Разина и если да, то кем был этот человек? См.: Pettie M. Op. cit. P. 249–252; Усенко О. Г. Бродячие дети второго Романова // Родина. 2006. № 8. С. 60–62.

¹⁹ КВСР. Т. 2, ч. 1. М., 1957. № 171. С. 203.

²⁰ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 111.

⁹ КВСР. Т. 1. № 110. С. 162.

¹⁰ Там же. С. 162.

¹¹ Там же. № 184. С. 253.

¹² Там же. № 171. С. 235.

¹³ См.: Степанов И. В. Указ. соч. Т. 2, ч. 1. Л., 1972. С. 20.

¹⁴ «А добры де к ним, донским казаком, бояря князь Иван Алексеевич Воротынской, князь Григорей Сунгалеевич Черкасской: как де они бывають на Москве в станицах, и их де они кормят и поят». (КВСР. Т. 1. № 171. С. 236.)

висть к которым была непримирима, пытались захватить в свои руки всю власть, задумали убить царевича... и... бессовестно производят смуту в государстве... Таким образом, заявляя, что дело идет о всеобщем благе, Разин обещает свое покровительство и защиту и... убеждает всех, кто хочет мстить, а не повиноваться боярам, сходиться к нему и воздать им за их беззаконие, сознавая, что это единственный путь вывести государство из его развращенного состояния и восстановить в правах истинного наследника престола».²¹

* * *

Слухи о царевиче Алексее Алексеевиче стали распространяться Разиным только на более поздних этапах похода вверх по Волге, когда его сторонниками стали уже не только казаки, но и представители многих других сословий. Вероятно, именно по этой причине «царевич» Алексей ассоциировался скорее не с какими-то специфически казачьими требованиями, а с более общими представлениями, касающимися измены бояр и необходимости восстановить порядок и справедливость в государстве. Еще один лжесын царя Алексея объявился в Запорожье вскоре после подавления восстания Разина на Волге и на Дону. Этот самозванец называл себя «царевичем Симеоном»; подобно разинскому царевичу Алексею Алексеевичу, он утверждал, что спасся при покушении изменников-бояр на его жизнь.²² В своем признании Лжесимеон утверждал, что планировал поход на Москву с Запорожским войском и Крымской ордой, чтобы напасть на бояр.²³ Но, в отличие от разинского Алексея Алексеевича, «царевич» Симеон Алексеевич говорил о конкретных обидах и требованиях казаков. Он просил запорожцев составить список их нужд²⁴ и обвинял бояр в том, что они не высылают достаточного жалованья и про-

чего довольствия на Дон и в Запорожье. Запорожский кошевой атаман Иван Серко объяснял посланцам царя, которые были присланы из Москвы для ареста самозванца, что «царевич говорит, да и мы сами хорошо знаем, для чего донским казакам и нам государева жалованья, пушек, всяких войсковых запасов и чаек не дают: царское величество к нам милосерд, много обещает, а бояре и мало не дают; царское величество изволил нам прислать шиптуховых сукон, и нам досталось только по полтора локтя на человека».²⁵ Позднее «царевич» Симеон писал своему «отцу», царю Алексею, заверяя его в верности Запорожского войска и умоляя выполнить требования казаков, чтобы они могли побеждать неверных (бусурман) на земле и на море.²⁶ Их заявление, что они идут с «царевичем», который заступится за них перед царем, свидетельствует о чрезвычайно персонифицированном представлении казаков о природе государственной власти.

Казаки знали, что царь мог совсем снять их с довольствия, если они не согласятся выдать самозванца, но отказывались сдаваться. Они отвечали посланникам царя, что, если их оставят без хлеба, они поищут другого правителя (предположительно крымского хана или турецкого султана) и получат зерно из Крыма: «Если государь по приговору бояр, что мы царевича не отдали, пошлет к гетману Самойловичу, чтоб не велел пускать к нам в Запорожье хлеба и всяких харчей ... то... сыщем мы себе и другого государя, дадут нам и крымские мещане хлеба...».²⁷ Атаманы добавляли к сказанному, что турецкий султан планировал напасть на Киев этой весной, и они пригрозили, что могут перейти к нему на службу: «...кто силен, тот и государь нам будет».²⁸ Однако в конечном итоге атаман Серко согласился отдать «царевича Симеона» царю в обмен на щедрое вознаграждение. Самозванца отправили в Москву, где во время допроса он сознался, что был Семеном Ивановичем Воробьевым, сыном украинского крестьянина. Его казнили на Красной площади в сентябре 1674 г.²⁹

* * *

В 1687–1688 гг. волнения в среде донских казаков были связаны с преследованиями об-

²¹ Иностранные известия... С. 67.

²² Настоящий царевич Симеон умер в 1669 г. в возрасте четырех лет. Подробнее об этом самозванце см.: Pегіе М. Ор. сіт. Р. 252, 253; Усенко О. Г. Царевич Симеон из Запорожья // Родина. 2006. № 9. С. 31–38.

²³ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. М., 1961. С. 473. По другим источникам, «Симеон» обратился к запорожцам за военной поддержкой и планировал написать на Дон, чтобы подбить простых казаков (чернь) убить своих офицеров (старшин) и затем пойти с ним на Москву (там же. С. 477).

²⁴ «...он у нас росписи просит, что Войску надобно? На 3000 и больше кармазинных сукон по 10 аршин на человека на год брать, также денежную, свинцовую и пороховую и многую казну, ломовые пушки и нарядные ядра; и мастер, который теми ядрами умеет стрелять, и сипоши, и чайки у нас будут» (Соловьев С. М. Указ. соч. С. 462).

²⁵ Там же. С. 462, 463.

²⁶ Там же. С. 471, 472.

²⁷ Там же. С. 463.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 472, 473.

щины староверов, нашедшей убежище на Дону и его притоках. В отличие от предыдущих беспорядков на южных границах Московского государства, эти волнения оказались окрашенными эсхатологическими и апокалипсическими религиозными идеями. Первый эпизод касался проповедника Кузьмы Косога, который пришел с реки Медведицы в Черкасск в августе 1687 г. с отрядом вооруженных людей. Кузьма надеялся пополнить свой отряд за счет казаков с Дона, чтобы идти на Москву под знаменем «великого царя Михаила» с целью очистить землю от неверных перед концом света, который, как он считал, был близок.³⁰ Кузьма был арестован донским казачьим атаманом Фролом Минаевым, отправлен в Москву и умер в тюрьме.³¹ Вскоре после этого в Москву отправили Самойлу Ларионова, старообрядческого проповедника из Черкаска, обвиненного в проповедовании, со ссылкой на Библию, что будто бы царь Алексей Михайлович был антихристом в образе орла, о котором говорится в третьей книге Ездры, и что его сыновья, соправители Иван и Петр, сидевшие в то время на царстве, были орлятами, которые, согласно пророчеству Ездры, погибнут от меча.³² Письма, присланные с Дона и содержавшие донос на Самойлу Ларионова, уличали также бывшего донского атамана Самойлу Лаврентьева, атамана Кирея Матвеева и других старшин зимней делегации (станции), находившейся в то время в Москве для ведения переговоров о годовом жалованье для Донского войска.³³ Обвинения против казачьих предводителей, как и против священника Самойлы Ларионова, сводились к их участию в церковном расколе и в распространении пагубных пророчеств о царях, но при этом казаков также

признали виновными в «возмущении народа к воровству и к походу на Волгу и под Москву».³⁴

Остается неясным, были ли предводители казаков действительно виновны в планировании похода на Москву, «как и Стенька Разин», за что их и казнили 10 мая 1688.³⁵ Большая часть конкретных обвинений в доносах была направлена против Кирея Матвеева, который изображался вожаком и главным организатором предполагаемого восстания. Например, говорилось, что он собрал два полка на притоках верхнего Дона (реках Чир, Бузулук и Медведица) и послал письма на реки Яик и Терек, а также на верхний Дон и его притоки («запольные речки»), в которых просил у тамошних казаков ружей, свинца и пороха, призывая не повиноваться царям и патриарху и постоять за старую веру. Сообщалось, что он также хвастался, что соберет многие кочевые орды и что калмыцкий каган обещал его поддержать. Извечки предупреждали, что, если Кирею Матвееву позволят покинуть Москву, он «взбаламутит» все царство.³⁶ В ходе последующего расследования против Кирея Матвеева было выдвинуто еще несколько дополнительных обвинений, в частности в намерении вести донских казаков не только на Москву, но также и для «воровства» на Волгу и Куму (река на Северном Кавказе, впадающая в Каспийское море).³⁷ При этом второй из предполагаемых вожаков признал свою вину по обвинениям против него и против Кирея Матвеева, которые были перечислены в изветных письмах, но утверждал, что ничего не знал в отношении дополнительных обвинений: «а про замысл их воровской, чтоб им, собрався, идти для воровства на Волгу или к Москве, подлинно не слыхал и не ведает, только Кирюшка говаривал, что де надо войском промыслить, гдеб сыскать зипуны получше».³⁸

Исходя из имеющихся сведений можно предположить, что Кирей Матвеев не планировал похода на Москву подобно Стеньке Разину, а хотел добиться независимости Дона от «царства Антихриста в Московии». Донские казаки традиционно экономически зависели от получения жалованья из Москвы, и правительство могло довольно эффективно использовать угрозу прекращения таких платежей, когда требовало выдачи староверов и подо-

³⁰ «Великий царь Михаил», о котором говорит Кузьма, был, по-видимому, комбинацией из нескольких фигур: Архангела Михаила; библейского «великого князя Мисаила» из книги пророка Даниила; возможно, царя Михаила Федоровича, который, по мнению некоторых староверов, был последним истинно православным русским царем до раскола.

³¹ Подробнее о Кузьме Косом см.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 96–99, 147–154, 262–283; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. С. 114–122.

³² См.: Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археологическою комиссиею (далее — ДАИ). Т. 12. СПб., 1872. С. 149, 186, 187; Дружинин В. Г. Указ. соч. С. 141–147, 291, 302, 303; Опарина Т. А. К вопросу об использовании III книги Ездры в русской публицистике XVI–XVII вв. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 143–149.

³³ См.: Дружинин В. Г. Указ. соч. С. 172, 173; ДАИ. Т. 12. С. 148–154.

³⁴ ДАИ. Т. 12. С. 210.

³⁵ См.: КВСР. Т. 3. М., 1962. № 312. С. 387.

³⁶ См.: ДАИ. Т. 12. С. 151, 153.

³⁷ См.: Там же. С. 188; Дружинин В. Г. Указ. соч. С. 303, 313.

³⁸ Дружинин В. Г. Указ. соч. С. 316.

зреваемых бунтовщиков с Дона.³⁹ Кирей Матвеев при этом, как сообщалось, отказывался повиноваться и на угрозы лишения казаков жалованья отвечал дерзко. В обвинительных письмах с Дона говорилось, что он хвастался, что, если жалованья не пришлют, казаки сами знают, где его получить: «...кручинятся де в войске, что жалованья не пришлют с Москвы; а я де так помекаю, и не хочется пришлют; а хотя де и не пришлют, мы сами знаем, где то брать...».⁴⁰ Казак Ян Греченин позже писал князю Василию Голицыну, что Кирей Матвеев уверял его, что, даже если царь откажется высылать им жалованье, опасность помереть с голоду казакам не грозит, поскольку они могут пойти на Русь или на Волгу, чтобы добыть пропитание.⁴¹ По известным свидетельствам, этих же взглядов придерживались и некоторые другие казаки-староверы. Будто бы Пашка Чекунов говорил, что «...на Дону, если де не изволят великие государи прислать к ним на Дон своего, великих государей, жалованья, и они де, казаки, знают и сами, где тот хлеб взять».⁴² Также, когда к казакам на верхнем Дону обратились за советом староверы из Черкаска с вопросом, отдавать ли атамана Самойлу Лаврентьева, они ответили, что, «...хотя к ним их государьскаго жалованья с Москвы присылки и не будет, толко де они и без государскаго жалованья прокормить себя умеют» и, «...буде к ним не прислано будет великих государей жалованье, они де живут и без жалованья».⁴³ Упоминания о хлебе или оборот «прокормить себя» можно воспринимать буквально, поскольку казаки зависели от поставок продовольствия из Москвы; но, как мы видели в случае с Разиным, выражение «прокормиться» часто использовалось для обозначения грабежей и пиратства, основными объектами которых служили торговые суда на Волге и Каспии. В этом смысле вполне вероятно, что Кирей Матвеев намеревался последовать примеру Стеньки Разина, но лишь в отношении его первоначального пиратского похода в 1667–1669 гг.

* * *

После выдачи в апреле 1688 г. атамана Самойлы Лаврентьева Москве власти развернули

кампанию по подавлению на Дону оставшихся староверов. Из Черкаска отправился атаман Осип Михайлов для объезда других казачьих станиц и принуждения всего населения целовать крест за царя под страхом смерти. Прослышав об экспедиции Михайлова, многие казаки-староверы под предводительством атаманов Ивашки Зайцева и Левки Маныцкого бежали на удаленный остров Заполянский, расположенный в верховьях реки Медведицы. В конце апреля группа этих казаков под предводительством Левки Маныцкого отправилась с Медведицы на реку Куму на Северном Кавказе, попутно привлекая на свою сторону других староверов. Тем временем войска, верные правительству, прибыли на остров Заполянский, где в ожидании их прихода укрепились оставшиеся казаки. В результате осады, длившейся почти год, староверческая крепость на острове Заполянском была захвачена правительственными силами в апреле 1689 г.⁴⁴

В июле 1688 г. к казакам-старообрядцам во главе с Левкой Маныцким на Северном Кавказе присоединились другие беженцы с Дона. Левка Маныцкий попросил защиты у местного черкесского вождя Шевкала. Шевкал охотно принял беглых казаков, поскольку сам планировал использовать их для нападения на русские крепости на Тереке, чтобы получить выход к Каспийскому морю, а оттуда в Персию и к территориям астраханских татар. Он позволил староверам поселиться на реке Аграхан, впадающей в Каспийское море к югу от Терека. Другая группа беженцев поселилась на реке Карамык, на территории черкесского князя Мезеуста. Из своих поселений на Северном Кавказе казаки-староверы посылали делегации на верхний Дон, чтобы убедить других казаков присоединиться к ним и пользоваться относительной свободой, которая им теперь предоставлена. В то же время власти в Москве предпринимали попытки вернуть беглецов, предлагая им амнистию (но не право исповедовать старую веру). Однако староверы были непреклонны и даже убили нескольких русских посланцев.⁴⁵

В декабре 1690 г. Левка Маныцкий начал переговоры о союзе с крымским ханом, предложив совместные набеги силами его каза-

³⁹ См.: Там же. С. 165, 170, 171.

⁴⁰ ДАИ. Т. 12. С. 152, 153, 179.

⁴¹ См.: Там же. С. 200.

⁴² Дружинин В. Г. Указ. соч. С. 304.

⁴³ ДАИ. Т. 12. С. 195, 200.

⁴⁴ См.: Дружинин В. Г. Указ. соч. С. 179–190, 196–201; Boeck B. J. Imperial Boundaries. Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge, 2009. P. 110–113.

⁴⁵ См.: Дружинин В. Г. Указ. соч. С. 192, 193, 194–196, 204–208.

ков вкупе с азовскими татарами, черкесами и калмыками на поселения донских казаков. Встревоженная новостями об этих новых переговорах, Москва предприняла очередные попытки убедить староверов вернуться на Дон, а также оказать давление на Шевкала, чтобы тот изгнал их со своих земель.⁴⁶ Шевкал отказался выдать беглецов, утверждая, что он обязан защищать их по законам гостеприимства как своих гостей; староверы же настаивали, что они счастливы там, где живут, и что их новый правитель не стесняет их религиозной свободы.⁴⁷ Они заявляли: «А царь у нас есть, и живем на его земле, и повинность всякую чиним ему, и расправляет он нами».⁴⁸ В то же время казаки продолжали попытки убедить своих единоверцев, оставшихся на Дону, присоединиться к ним на Северном Кавказе. Они распространяли листы-воззвания Шевкала, который обещал им богатую добычу от набегов на персидские и русские торговые суда на Каспийском море: «Пойдите, казаки, жить ко мне, Шевкалу, вместе с своею братиею, кои ныне уже живут. А тут вам на Дону жить не у чего. От царей вам жалование всего идет по двадцати алтын. А у меня станете ходить в золоте. Ходят от шаха по морю бусы такожда и ваших великих государей и гостей торговых людей со всякими товары. А вы их громите, и в том вам от меня, Шевкала, заказу отнюдь не будет».⁴⁹ Сами староверы уверяли донских казаков, что они свободны от угнетения на Аграхане и что «к нам милость кажут басурманы лучше вас, православных христиан».⁵⁰

Когда усилия русских дипломатов убедить староверов вернуться на Дон закончились неудачей, Левка Маныцкий, опасаясь, что Москва направит войска на Аграхан, отправил послов к кубанскому хану просить разрешения переселиться на реку Кубань под покровительство крымского хана. Некоторые из казаков, недовольные таким предложением, сдались русскому воеводе в Терках (Терском городке) и получили прощение. Осенью 1692 г. оставшиеся казаки (числом около пятисот) направились на Кубань, но подверглись нападению черкесских воинов на реке Сунд-

же, и, таким образом, лишь около 200 из них достигли Кубани, где они и поселились на берегах Черного моря.⁵¹

В 1693 г. казаки-староверы отправили послов ко двору крымского хана в Бахчисарае, где они встретились с толмачом русской дипломатической миссии в Крыму. Толмач укорял казачьего атамана Семена Саратовца: «Для чего вы милость государскую к себе забыли и, оставя христианство, какого добра у бусурман себе ищите?». На это Саратовец отвечал: «А как нам на Дону жить? Старую веру ныне выводят, а держат новую, и крестное сложение не так, как прежде бывало, и для той новой веры с Дону у нас к Москве забрали людей добрых и заслуженных, Кирей Матвеева с товарищи, и показнили неведомо за что, и нам на Дону поэтому жить нельзя. Увидим мы и здешнюю татарскую правду, кака они нам все отдадут; а если татары ничего доброго нам не сделают, то мы знаем дорогу и на Дон попрежнему и надеемся, что великие государи принять нас туда укажут».⁵² Таким образом, по крайней мере, для некоторых казаков-староверов критерием выбора «добротного правителя» была не столько исповедуемая им религия, сколько его готовность разрешить им сохранить свою веру. С этих позиций неверный мусульманский хан, который проявлял терпимость к их вероисповеданию, был предпочтительнее православного христианского царя-«еретика», который такой терпимости не проявлял. Шевкал, предоставивший казакам религиозную свободу и не просто позволявший, но и поощрявший их грабить торговые суда на Каспийском море, был во многих отношениях именно тем идеальным правителем, о котором мечтали казаки атаманы, такие как Кирей Матвеев.

Из новой крепости, которую казаки-староверы построили на Кубани, они атаковали казачьи поселения на Дону и пытались убедить их жителей присоединиться к ним. В результате одного такого похода в 1695 г. Левка Маныцкий был схвачен и казнен в Черкасске. После этого многие из кубанских казаков вернулись в лоно Москвы, приняв предложенное правительством прощение.⁵³ Однако в 1708 г. к оставшимся казакам на Кубани присоединились еще казаки с Дона под предводитель-

⁴⁶ См.: Там же. С. 208, 209.

⁴⁷ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 7. М., 1962. С. 479, 480.

⁴⁸ Цит. по: Боук Б. М. [Brian J. Voeck] К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2001. № 4. С. 32.

⁴⁹ Цит. по: Там же. С. 32, 33.

⁵⁰ Там же. С. 33.

⁵¹ См.: Дружинин В. Г. Указ. соч. С. 210–212.

⁵² Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 7. С. 480–481.

⁵³ См.: Дружинин В. Г. Указ. соч. С. 212.

ством Игната Некрасова, спасаясь бегством после подавления восстания Булавина.⁵⁴

* * *

До сих пор мы видели, что русские казаки в XVII в. отвечали на давление, оказываемое на них Московским государством, различными способами, такими как, «воровство» на Волге и Каспии; эмиграция и переход под юрисдикцию других правителей, которые предоставляли им большую свободу, чем в Московии; бунты «во имя царя», походы на Москву против «бояр-изменников», лишавших их жалованья. Сравним поведение донских и запорожских казаков на Украине.

Положение запорожских казаков на территории Речи Посполитой в первой половине XVII в. несколько отличалось от положения русских казаков в южных степях, но при этом они реагировали на притеснения со стороны государства аналогичным образом. В XVI — начале XVII вв. запорожские казаки совершали пиратские нападения на турецкие суда в Черном море. По Куруковскому соглашению 1625 г. такие морские авантюры были запрещены, но казаки продолжали пиратские походы в Черном море, игнорируя официальный запрет, точно так же, как донские казаки не повиновались запрету московского правительства на пиратские нападения на Волге и Каспии.⁵⁵ Подобно русским казакам, украинские казаки также были вольны перейти под покровительство других правителей, в случае если они были недовольны отношением к ним их монарха. После подавления нескольких восстаний в 1625, 1630–1631 и 1637–1638 гг. многие запорожцы перешли через границу на территорию Московского государства, где царь позволил им поселиться на его землях и служить ему.⁵⁶ И подобно своим русским собратьям, запорожские казаки поднимали «бунты во имя государя». Например, на ранних стадиях даже восстание под предводительством Богдана Хмельницкого можно назвать «бунтом во имя короля». В 1645 г. король Владислав планировал использовать казаков в войне против Турции, в которой Польско-Литовское государство должно было объединиться с Венецией. Запорожцы

должны были напасть на Крымское ханство, а в обмен за службу король обещал восстановить различные привилегии (включая право мореходства на Черном море), которых казаки были лишены в предшествующие годы. Однако польские магнаты в сейме воспротивились планам Владислава. Хмельницкий воспользовался этой ситуацией, чтобы поднять восстание, в ходе которого он утверждал, что казаки идут на помощь королю, выступают против магнатов, хотевших его убить. В 1648 г. Хмельницкий заключил союз с крымскими татарами в поддержку восстания и даже утверждал, что он сделал это с согласия Владислава. Хмельницкий также заявлял, что король поддерживал восстановление религиозной свободы его православных подданных на Украине и планировал сам перейти в православие.⁵⁷ Такое толкование событий было широко распространено: в июне 1648 г. грек Ю. К. Карапиперов сообщал о слухах на Украине о том, что казаки восстали «по королевскому велению» и что, «как придет король в Киев, хочет видетись с казаками и креститься в православную христианскую веру, и учинить единодержавно, и потом итти на турского».⁵⁸

По мере распространения восстания и вовлечения в него, помимо казаков, также и других слоев православного украинского населения оно переросло в более широкое религиозное и национальное движение. Хмельницкий направил к царю свое первое обращение с просьбой о помощи в июне 1648 г., но, не получив поощрения, продолжил развивать свой союз с ханом и принял присягу на верность султану, утверждая, что эти мусульманские правители предложили запорожцам больше религиозной свободы, чем их христианские государи.⁵⁹ По условиям Переяславского договора 1654 г., конечно же, украинские казаки формально перешли в подданство от короля к царю.

* * *

Таким образом, несмотря на тот факт, что запорожские казаки жили в совершенно дру-

⁵⁴ См.: Боук Б. М. Указ. соч. С. 36.

⁵⁵ Подробнее о запорожских казаках первой половины XVII в. см.: Hrushevsky M. *History of Ukraine-Rus'*. Vol. 7–8. Edmonton and Toronto, 1999–2002.

⁵⁶ См.: Plokhy S. *The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine*. Oxford, 2001. P. 277.

⁵⁷ Hrushevsky M. *Op. cit.* Vol. 8. P. 264–270, 347, 368–376, 386–388, 392–396.

⁵⁸ Ченцова В. Г. *Икона Иверской Богоматери (Очерки отношений Греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА)*. М., 2010. С. 202, 203, 311, 312.

⁵⁹ Plokhy S. *Op. cit.* P. 314, 315. Как мы видели выше, в 1690-х гг. казаки-староверы с Дона выказывали аналогичное отношение к мусульманским правителям, на землях которых они нашли убежище.

гих политических, правовых и социальных условиях, чем их русские собратья в южных степях, их политическое поведение по отношению к соответствующим властям было аналогичным. Завися от своих государств в отношении выплаты жалованья, казаки интерпретировали это как личную милость монарха (царя или короля) по отношению к ним. Они обвиняли в недостаточности вознаграждения придворных монарха (бояр или магнатов), а не самого государя, а их кампании за улучшение собственного положения часто принимали форму «бунта во имя монарха» против его злых придворных. Живя на границах соответствующих государств, практически вне зоны досягаемости центральной власти, казаки Московского государства и Речи Посполитой могли действовать с определенной степенью автономии, нападая на соседние

мусульманские державы или совершая пиратские атаки на торговые суда на морях и реках южных степей. Когда русское и польское государства пытались усилить свой контроль над их сообществами, казаки иногда эмигрировали в соседние государства в надежде найти там большую свободу или получить более щедрое вознаграждение за военную службу. Запорожские казаки, конечно же, пошли гораздо дальше своих русских собратьев, когда в 1654 г. они и народ Украины в более широком смысле признали суверенитет другого правителя над своей территорией. Однако их надежды на свободу оказались иллюзорными: к концу XVIII в. запорожские казаки в составе Российской империи потеряли, подобно различным русским казачьим войскам, большую часть той автономии, которой они пользовались в начале XVII в.

Ключевые слова: казаки, староверы, самозванцы, «бунт во имя государя», Россия, Речь Посполитая, Запорожье, Османская империя

COSSACKS AND THE STATE IN THE 17TH-CENTURY RUSSIA AND UKRAINE: PEOPLE AND POWER ON THE SOUTHERN FRONTIER

The article deals with the study of Cossacks of the 17th century as a social power capable of influencing the national policy development; the author reviewed various types of the Cossacks's response to the growing pressure on the part of the state during the 17th century, compared various political positions, strategies and social practices of the Russian Cossacks from the Don, the Volga, and the Terek with regard to the Moscow state, and the Zaporozhians' position with regard to the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Morin Perrie